

11. Указ Президента РФ от 6 декабря 2018 г. № 703 «О внесении изменений в Стратегию государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года, утвержденную Указом Президента Российской Федерации от 19 декабря 2012 г. № 1666». [Электронный ресурс]. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/72020010/>
12. Конституция Российской Федерации с изменениями, вынесенными на Общероссийское голосование 1 июля 2020 года. М.: Эксмо, 2020. — 64 с.
13. Заключение Конституционного Суда Российской Федерации. Санкт-Петербург, 16 марта 2020 г. URL: <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision459904.pdf>
14. О свободе совести и о религиозных объединениях. Федеральный закон от 26.09.1997 г. № 125-ФЗ URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/11523>

ТРАНСФОРМАЦИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ: КОНСТАНТЫ И ТЕНДЕНЦИИ (НА ПРИМЕРЕ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ)

Старичёнок В.В.

Аннотация. В статье исследованы трансформация исторической памяти Беларуси, константы, определяющие умонастроения граждан, основные тенденции общественного мнения. С опорой на разнообразные источники: монографии, учебные пособия, научные статьи, результаты социологических опросов — проанализированы особенности реализуемой в Беларуси исторической политики, суть альтернативных исторических нарративов, специфика восприятия белорусами прошлого, оценка ими советского периода, возрастные различия во мнении населения. Установлено, что в целом для жителей республики характерны секулярно-рациональная матрица ценностей, умеренная религиозность, доминирующее влияние советской и русской культуры на национальную идентичность, положительное отношение к БССР. В то же время значительное количество белорусов воспринимают эпоху независимости как отдельный исторический период, который является для них самым важным в истории страны.

Ключевые слова: историческая память, прошлое, историческая политика, общественное мнение, образ СССР.

TRANSFORMATION OF HISTORICAL MEMORY: CONSTANTS AND TRENDS (ON THE EXAMPLE OF THE REPUBLIC OF BELARUS)

Starichenok V.V.

Abstract. The article reveals the transformation of the historical memory of Belarus, the constants that determine views of citizens, the main trends of public opinion. Using various sources (monographs, textbooks, scientific articles, results of sociological surveys), the author analyzes the features of the historical policy implemented in Belarus, the essence of alternative historical narratives, the specificity of Belarusians' perception of the past, their assessment of the Soviet

period, age differences in the opinion of the population. It has been determined that, in general, the residents of the republic are characterized by secular-rational values, moderate religiosity, the dominant influence of Soviet and Russian culture on national identity, and a positive attitude towards the BSSR. At the same time, a significant number of Belarusians perceive the era of independence as a separate historical period, which is the most important for them in the history of the country.

Keywords:

historical memory, the past, historical politics, public opinion, image of the USSR.

Историческая память является предметом серьезного внимания ученого сообщества. Пристальный интерес к ней определяется, прежде всего, социальной обусловленностью этого явления [12]. Подчеркивая, что память может быть «пристрастной», а прошлое «является результатом культурного конструирования и изображения», немецкий историк Я. Ассман констатирует, что «только значимое прошлое вспоминается, и только вспомненное прошлое становится значимым» [3, с. 81, 94, 257]. Сохраняется коллективная память посредством рамок, конституирующих и стабилизирующих ее, и коммуникации, в которой она живет. «Если последняя прекращается, или если исчезают либо изменяются референциальные рамки коммуникативной реальности, следует забвение», — заключает Я. Ассман [3, с. 38].

Возможность переконструирования превращает историю в мощный идеологический инструмент, воздействующий на общественное мнение в настоящем. Поэтому историческая память стала не только ареной научных изысканий, но и идейно-политической борьбы. «Если прежде, даже говоря о политике памяти, обсуждали, главным образом, стратегии построения нарратива, выбор ключевых для такого нарратива мест памяти, способы продвижения этого нарратива посредством музеев, памятников, учебников, праздничных дней и т.д., то теперь акцент сместился на конфликты нарративов, на борьбу за музеи, памятники», — отметил российский ученый А.И. Миллер [9, с. 212].

Возьмем в качестве примера тезис о равной ответственности СССР и Германии за развязывание Второй мировой войны, активно внедряемый в общественное сознание через политику памяти стран Балтии, Польши и Украины. Очевидным образом он выводит из политического дискурса вопрос ответственности Запада за начало войны, давая повод якобы пострадавшим от «агрессии» государствам выдвинуть моральные и материальные претензии за понесенный «ущерб». В такой ситуации вырастает важность государственной исторической политики, которая препятствует попыткам искажения и интерпретации исторических фактов и событий в ущерб национальному самосознанию, авторитету нации (народа), формирует оптимальные подходы к историческому прошлому, обеспечивает их позитивное восприятие обществом [6, с. 3].

В Беларуси на государственном уровне термин «историческая политика» впервые использован в Концепции информационной

безопасности, принятой в марте 2019 года: «Требуется дальнейшей последовательной реализации государственная историческая политика, направленная на закрепление в Беларуси и за ее пределами белорусской национальной концепции исторического прошлого страны и белорусской модели памяти» [7]. Беларусь выстраивает амбивалентную модель коллективной памяти, сочетая национальный и советско-ностальгический нарративы [5]. Такой подход позволил сохранить историческую преемственность и рассматривать историю безразрывно, где каждая эпоха важна для становления государственности, является ступенью развития, имеет свои проблемы, достижения и успехи. Фундаментом современной Беларуси является период БССР, когда сформировались национально-государственная идентичность белорусов, границы республики, ее научно-промышленный потенциал.

Официальному нарративу противопоставляется альтернативная версия истории, в которой советская эпоха отсечена как время оккупации и колониального господства России. Опыт нахождения страны в «красной империи» оценивается как травматический, имеющий негативные последствия и для постсоветского периода. «История Советского Союза, — пишет белорусский историк А. Смоленчук, — не закончилась с его распадом... «Советскость» как социокультурный феномен, а именно как совокупность культурных стереотипов, социального и культурного поведения, оказалась гораздо сильнее, чем та политическая структура, которая его окончательно сформировала» [13, с. 255]. «Советские идеологические привычки, полусознанные импульсы стали тяжелым наследием для культурной матрицы Беларуси», — вторит историку экономист К. Рудый, призывая отбросить советскость и приблизить мировоззренческую систему координат белорусов к неким «универсальным международным ценностям» [11, с. 15, 39].

Социологические данные подтверждают важность советского для населения Беларуси. БССР является вторым по значимости историческим периодом для белорусов после независимой Республики Беларусь (табл. 1).

Таблица 1

Вопрос: «Какие периоды истории Беларуси Вы считаете наиболее значимыми для белорусского народа?»

(опрос Института социологии НАН Беларуси октября—ноября 2020 года)

Варианты ответа	18— 24 лет	25— 44 года	45— 64 года	65 лет и старше	В целом по стране
Республика Беларусь	45 %	53 %	50 %	50 %	50 %
БССР	28 %	34 %	40 %	57 %	39 %
Великое Княжество Литовское	25 %	23 %	22 %	11 %	21 %

Герой Советского Союза Петр Машеров стал в 2020 году главным для белорусов деятелем, внесший наибольший вклад в становление белорусской

государственности (37 %). Он «обогнал» таких выдающихся личностей истории Беларуси, как Франциск Скорина (36 %) и Евфросиния Полоцкая (30 %). В десятку достижений страны, за которые жители республики испытывают гордость, входят вклад белорусского народа в Победу над нацистской Германией, партизанское и подпольное движение в годы Великой Отечественной войны, послевоенное восстановление БССР и последующая индустриализация, полет в космос белорусских космонавтов Петра Климука и Владимира Коваленка, достижения советской культуры, науки и техники. Среди молодых людей оценка событий советского времени несколько ниже (табл. 2).

Таблица 2

Вопрос: «Что из нижеперечисленного можно, с Вашей точки зрения, можно назвать предметом национальной гордости?»

(опрос Института социологии НАН Беларуси октября—ноября 2020 года)

Варианты ответа	В целом по стране	18—25 лет	Разница
Вклад белорусского народа в Победу над нацистской Германией	51 %	43 %	- 8 %
Культурное наследие второй половины XIX — начала XX века (Я. Купала, Я. Колас, М. Богданович)	48 %	49 %	+ 1 %
Партизанское и подпольное движение в годы Великой Отечественной войны	33 %	25 %	- 8 %
Деятели периода белорусского Возрождения (Ф. Скорина, М. Гусовский и др.)	32 %	36 %	+ 4 %
Достижения белорусских спортсменов	27 %	30 %	+ 3 %
Полет в космос белорусских космонавтов П. Климука и В. Коваленка	20 %	12 %	- 8 %
Благоустройство населенных пунктов	20 %	13 %	- 7 %
Послевоенное восстановление БССР и последующая индустриализация	18 %	8 %	- 10 %
Статуты Великого Княжества Литовского (1529 г., 1566 г., 1588 г.)	15 %	21 %	+ 6 %
Достижения советской культуры, науки и техники	15 %	14 %	- 1 %

Именно советская культура (вместе с русской), по мнению жителей Беларуси, оказала наибольшее воздействие на национальную культуру (табл. 3).

Вопрос: «Как Вы считаете, какое влияние на культуру белорусов оказали следующие культуры?»

(опрос Института социологии НАН Беларуси октября—ноября 2020 года)

Варианты ответа	Значительное	Скорее значительное	Итого
Советская	41,3 %	26,5 %	67,8 %
Русская	35,1 %	32,5 %	67,6 %
Польская	14,0 %	32,4 %	46,4 %
Украинская	8,0 %	24,8 %	32,8 %
Литовская	7,5 %	18,8 %	26,3 %
Еврейская	7,8 %	17,1 %	24,9 %

Очевидно, переплетение белорусского, советского и русского культурного наследия во многом определяет характер современного белоруса, его своеобразие и ценностные ориентиры, среди которых заметную роль играют левые идейно-политические установки. «Белорусская нация формировалась как социалистическая, — констатирует белорусский философ А. Дзермант, — и до сих пор несет в себе в идеологическом плане именно левые смыслы: стремление к социальной справедливости, неприятие неравенства, скептическое отношение к ревизионизму Великой Отечественной войны и десоветизации, до сих пор сохраняющийся иммунитет от национализма восточноевропейского толка» [4, с. 330].

Показательно отношение белорусов к распаду Советского Союза. Если в 1991 году большинство (69 %) одобрило соглашение, подписанное 8 декабря 1991 г. в Беловежской пуще, то через три года конфигурация общественного мнения изменилась: соглашение одобрили лишь 17 % [10, с. 11]. Летом 2015 года более половины опрошенных белорусов (54 %) полагали, что распад СССР имел негативные последствия для страны, 34 % оценили это событие позитивно [16, с. 38]. В октябре — ноябре 2020 года только 18 % респондентов положительно отнеслись к Беловежскому соглашению. Позитивные чувства в отношении распада СССР испытывали 17 % респондентов, нейтральные — 20 %, а вот отрицательные — 41 % (опрос Института социологии НАН Беларуси).

Советское наследие во многом определяет секулярно-рациональный характер аксиологической матрицы белорусов, для которой характерны рационализм, приоритет материальных ценностей, предпочтение светского государства религиозному. В частности, в 2015 году меньшинство православных Беларуси (40 %) связывало собственную религиозную идентичность с личной верой, большинство (55 %) — только с социокультурной или семейной традицией [16, с. 56]. Опрос Института социологии НАН Беларуси сентября 2016 года показал, что религиозность заняла предпоследнее место среди качеств, которые хотели бы воспитать у детей в семье родители (12 %). Первые места заняли любовь и уважение к

родителям, старшим (77 %), доброта, душевность, отзывчивость (66 %), трудолюбие (60 %) [8, с. 13]. Когда в конце 2020 года респондентов попросили определить значимость лично для них ряда ценностей, религия (духовность) в приоритетах общественности заняла предпоследнее место (55 %) перед национализмом (36 %). В первой тройке оказались мир, безопасность и свобода, набравшие свыше 95 % (опрос Центра социально-гуманитарных исследований БГЭУ) [14]. Если в 2012 году 71,5 % опрошенных говорили, что верят в Бога, то в последующие годы эта цифра снизилась: до 64 % в 2016 и 58 % в 2018 году. Больше всего понизилась религиозность за эти годы у молодёжи (на 21,5 %) и лиц с высшим образованием (на 20 %) (опросы Информационно-аналитического центра при Администрации Президента Республики Беларусь) [15, с. 253-254]. Вместе с тем в Беларуси доминирует уважительное отношение к религии и ее институтам, осознается высокая значимость духовно-нравственного развития, массово отмечают религиозные праздники.

Кроме нарастающего давления альтернативных нарративов и их интенсивного распространения в инфопространстве, историческая политика сталкивается с вызовами другого характера. Они связаны с типами памяти о прошлом: культурной, коммуникативной и поколенческой. Коммуникативная память обусловлена воспоминанием, «пережитым и воплощённым в очевидцах», и охватывает временной горизонт в три—четыре поколения (80 — 100 лет), культурная — воспоминаниями, оформленными и поддержанными институционально [3, с. 58—59, 240]. В случае советского периода долгое время оба типа памяти были тесно соединены, и она транслировалась как очевидцами, так и институционально. Сегодня на место современников советской эпохи приходит поколение, выросшее в независимой Беларуси.

Поколенческая память ограничена одним поколением. «Каждый человек, — пишет немецкая исследовательница А. Ассман, — формируется под воздействием ключевых исторических событий своего времени независимо от того, разделяет он или нет с другими представителями своей возрастной когорты те или иные убеждения, установки, мировоззренческие взгляды, социальные ценности и культурные парадигмы... Каждое поколение вырабатывает собственное отношение к прошлому, не позволяя предшествующему поколению навязывать свою точку зрения» [1, с. 23-24]; «Социальное забвение, подчиняющееся биоритмам поколений, совершается в виде регулярного обесценивания опыта старших поколений и замены его новым опытом» [2, с. 29-30]. Таким образом, смена поколений, происходящая примерно за тридцать лет, сдвигает на периферию вопросы, бывшие для предыдущего поколения центральными, выдвигает на первый план иные ценности и ориентиры.

В силу этого мощный идеологический и консолидирующий потенциал памяти о советской эпохе будет угасать. Уже сейчас для молодых людей события советского времени менее важны, чем для более старших возрастных групп (см. табл. 1 и 2). В то время как период БССР называли

значимым 57 % респондентов старше 65 лет, такой позиции придерживалось лишь 28 % молодых людей от 18 до 25 лет.

Показательно отношение населения к Октябрьской революции. Лишь 11 % опрошенных белорусов назвали это событие главным в политической истории Беларуси XX века (тринадцатое место из перечня предложенных вариантов ответа). День Октябрьской революции, который является праздничным в республике, назвали значимой датой только 6 % респондентов. Многие религиозные праздники имеют большую ценность для населения, чем революция. В частности, в 2020 году православные Пасха и Рождество заняли третью и четвертую позиции в иерархии праздничных дат (соответственно 59 и 50 %). Важность католических Пасхи и Рождества отметили соответственно 17 и 16 % жителей республики (опрос Института социологии НАН Беларуси октября — ноября 2020 года).

Таким образом, борьба различных исторических нарративов в Беларуси в значительной степени вращается вокруг советского прошлого. Отношение жителей республики к БССР характеризуется нейтральным либо положительным мнением о том времени, его сбалансированной оценкой, что отражает доминирующие в официальной исторической науке подходы. Однако для младших возрастных групп советская эпоха становится менее значимой, а их отношение к ней — более критичным. Данная тенденция обусловлена поколенческой динамикой. Молодежь, выросшая в условиях становления Беларуси как независимого государства, более прагматична, ищет эталон, которым СССР для нее не является. В такой ситуации бережное отношение к прошлому и сохранение исторической памяти страны требует взгляда с точки зрения истории и на последние 30 лет. В этой связи целесообразно развивать позитивное видение населением нынешней эпохи, формировать концептуальное поле, связанное с конструктивной и созидательной деятельностью во благо республики на сегодняшнем историческом этапе.

Литература

1. Ассман А. Длинная тень прошлого: мемориальная культура и историческая политика. М.: Новое литературное обозрение, 2014. 328 с.
2. Ассман А. Забвение истории — одержимость историей. М.: Новое литературное обозрение, 2019. 552 с.
3. Ассман Я. Культурная память: письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. М.: Языки славянской культуры, 2004. 368 с.
4. Дзермант А.В. Беларусь — Евразия. Пограничье России и Европы. М.: Родина, 2020. 336 с.
5. Касьянов Г.В. Украина и соседи: историческая политика 1987 — 2018 гг. М.: Новое литературное обозрение, 2019. 632 с.
6. К вопросу об исторической политике / А.А. Коваленя, В.Ю. Арчаков, В.В. Данилович, А.Л. Баньковский // Беларуская думка. 2019. № 8. С. 3-11.
7. Концепция информационной безопасности Республики Беларусь, 2019. URL: https://pravo.by/upload/docs/op/P219s0001_1553029200.pdf (дата обращения: 14.03.2021).

8. Котляров И.В. Патриотизм как социальная реальность белорусского общества (социологическое измерение) // Весці Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі. Серыя гуманітарных навук. 2017. № 4. С. 7-15.
9. Миллер А.И. Политика памяти в стратегиях формирования национальных и региональных идентичностей в России: акторы, институты и практики // Новое прошлое. 2020. № 1. С. 210-217.
10. Особенности становления и развития белорусской государственности: социологический анализ / под общ. ред. А.Н. Данилова, Д.Г. Ротмана. Минск: БГУ, 2018. 295 с.
11. Потому что так решили мы: поведенческая экономика Беларуси и ее раскодирование / под науч. ред. К.В. Рудого. Минск: Звязда, 2017. 368 с.
12. Сафронова Ю.А. Историческая память: введение: учебное пособие. СПб.: Издательство Европейского гуманитарного университета в Санкт-Петербурге, 2019. 220 с.
13. Смалянчук А. Беларуская постсавецкая гістарыяграфія: паміж рэсаветызацыяй і новай карпаратыўнай этыкай // ARCHE. 2013. № 2. С. 255-263.
14. Старичёнок В.В. Ценностные ориентации белорусов: ориентация на мир и «дабрабыт» // Белорусский институт стратегических исследований. 2021. 17 февраля. URL: <https://bisr.gov.by/index.php/mneniya/cennostnye-prioritety-belorusov-orientaciya-na-mir-i-dabrabyt> (дата обращения: 17.02.2021).
15. Сухотский Н.Н. Религия в массовом сознании белорусов: состояние и динамика // Православие в Беларуси XIX — XX вв.: материалы Международной научной конференции, г. Минск, 1 ноября 2019 г. Минск: Издательство Минской духовной академии, 2020. С. 253-257.
16. Religious Belief and National Belonging in Central and Eastern Europe // Pew Research Center, 2017. 175 p. URL: <http://www.pewforum.org/wp-content/uploads/sites/7/2017/05/CEUP-FULL-REPORT.pdf> (date of access: 21.01.2019).

ВЛИЯНИЯ ТЕОЛОГИЧЕСКОГО БАЗИСА НА ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ КСЕНОФОБИИ И ЭКСТРЕМИЗМУ В МОЛОДЕЖНОЙ СРЕДЕ: ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ДИЗАЙН

Шановалова И.С.

Аннотация. Теологическое знание, как часть системы мировоззрения, культурной социализации и одновременно сегмент компетентностной модели, является важнейшим ресурсом гармонизации образовательного процесса и его результата, в приобретении современной молодежью культурного статуса. Помимо культурной компоненты личности, теологический базис является диалоговым ресурсом в моральном дискурсе, в реакциях на социальные вызовы, основой выбора в условиях конфликтных ситуаций в том числе, связанных с межконфессиональными отношениями, катализируя или стагнируя развитие межконфессиональных ксенофобий и экстремистских практик. Интерпретация и применение теологического базиса в формировании установок на религиозное поведение и межконфессиональные реакции, его роль как диалогового ресурса сопротивления асоциальным технологиям межконфессиональной вражды, является «слепой» зоной в научных отраслях, несмотря на значительный регулятивный потенциал для соответствующего направления